

Элез А.Й.
кандидат философских наук,
Институт Африки РАН,
г. Москва, Российская Федерация

Выборы в Нигерии и в РФ: производственные отношения как основание политической культуры

Весной 2011 года в Нигерии проходили президентские и парламентские выборы, а также выборы в местные органы власти. В декабре того же года в РФ проходили парламентские выборы, а одновременно с ними – около 2800 голосований на выборах различного уровня в 77 субъектах федерации. Недовольных результатами выборов хватало и там, и там. Хватало и тех, кто недовольство результатами представлял как недовольство беззакониями, имевшими место в ходе предвыборной кампании, непосредственно на выборах и при подсчете их результатов. Но немало было и тех, чьи претензии касались прежде всего самих беззаконий.

При всем том, знакомство с нигерийской прессой периода выборов и ближайших предшествующих и последующих месяцев не позволяло нам предположить, что кому-то в Нигерии всерьез придет в голову для посрамления своих успешных конкурентов сравнить выборы в собственной стране с выборами в РФ (любыми за последнюю четверть века). Если такое сравнение и имело бы место, оно могло бы восприниматься как очень частный случай. И дело, скорее всего, не в том, что в Нигерии РФ воспринимается как образец электоральной чистоты, а в том, что она там, по большому счету, никак не воспринимается и поэтому не может считаться удобным пропагандистским символом – ни положительным, ни отрицательным.

В РФ же парламентские выборы руководитель петербургского отделения партии «Справедливая Россия» Оксана Дмитриева, по сообщениям средств массовой информации, охарактеризовала как «выборы уровня Нигерии». Фраза, что называется, пошла в народ, и ее можно услышать подчас даже от тех, кто толком и не знает, что такое эта Нигерия и где она располагается. Но еще задолго до выборов в РФ 2011 года нам довелось столкнуться со сравнением РФ с Нигерией в интервью, которое дал президент Центра стратегических разработок М.Э.Дмитриев московской студии «Радио Свобода»:

«Михаил Соколов: ... Один читатель Интернета прислал замечательное сравнение¹: Россия и Нигерия. Население практически одинаковое – 142 и 140 миллионов человек. Количество людей, уверенных, что стабильность важнее, чем свобода слова, 47% в России, 43 в Нигерии. Степень расслоения общества (индекс Джини) тоже практически одинаковая. Уровень коррупции – 143-е и 147-е место. Место в рейтинге свободы – 144-е и 131-е. Уровень экономической свободы – 120-е и 131-е. В общем, вполне все сравнимо. Настоящее, как бы ни гордились россияне какими-то успехами, оно нигерийское.

Михаил Дмитриев: Нет, не нигерийское. Я в самой Нигерии не был, но был в соседних странах. Там не надо вооружаться биноклем и лупой, чтобы понять, что это совершенно разные общества. При том, что Нигерия тоже живет за счет доходов от нефти, это еще аграрная экономика, с аграрным населением, традиционно мыслящим. В ней нет того массового среднего класса, действительно европейского уровня жизни, европейского уровня социальных и политических ожиданий, которые на сегодня в России начинают набирать стремительно политический и социальный вес. Если еще 10 лет наша страна будет развиваться не по 7% в год, как это было 10 лет назад, а хотя бы 4-5% в год, а это реальные темпы, то средний класс, по нашим оценкам, приблизится к 40-50% населения страны. Россия станет нормальной европейской страной с точки зрения социальных ожиданий населения. Нигерия такой страной не станет даже к 2050 году. В этом вся разница»².

В этом фрагменте диалога нас заинтересовал, собственно, вовсе не ответ доктора экономических наук, который, видимо, никогда не бывал не только в Нигерии, но и в РФ тоже, и понятия не имеет о том, что уровень экономического развития и состояние экономики – совершенно разные вещи. Даже если конкретный черно-белый телевизор «Рубин» на лампах у кого-то до сих пор прекрасно работает, а конкретный цветной телевизор на сегодняшних микросхемах в связи с какой-то неисправностью не работает, это еще не значит, что «Рубин» находится на более высоком техническом уровне. Сравнивая же экономику двух обществ, ученому приличнее говорить о зрелости экономической системы, об исторической форме и об уровне экономического развития общества, нежели скатываться на уровень обыденного сознания

и сопоставлять состояние конкретных экономик. Поэтому куда более серьезным (что не значит еще, что совершенно правильным) мы считаем озвученное сотрудником «Радио Свобода» мнение читателя. Действительно, две страны среднеразвитого капитализма имеют, казалось бы, немало общих черт, позволяющих говорить о принципиальном сходстве. Вместе с тем, при достаточной фантазии относительно РФ, как мы видим, можно найти и немало различий между обществами.

РФ и Нигерия сходны в главном: это – страны среднеразвитого капитализма, страны сырьевой периферии, приатки метрополий капиталистического мира. Разница же в состоянии экономик и, в том числе, в уровне жизни, которая может сбить с толку иного доктора экономических наук, обусловлена отнюдь не теми «процентами в год», о которых мечтает в тени нефтегазового бюджета М.Э.Дмитриев, а предшествующей историей. Если недра суверенного СССР были сохранены в достаточной мере, чтобы РФ сегодня могла кичиться процентами, за которыми стоят модернизация на словах и вывоз углеводородного сырья на деле, если в советское время была практически обеспечена электрификация всей страны и подкачала со временем только советская власть, то предшествующая, сравнительно недавняя еще, история Нигерии – история колониальной зависимости. Общества, экономические системы, находящиеся на одном историческом уровне, принадлежащие к одному и тому же экономическому типу, могут очень сильно различаться, если лет шестьдесят назад одно из них вершило мировую историю, а другое находилось в условиях колониальной эксплуатации. А «проценты в год» – дело куда более сложное, чем думает М.Э.Дмитриев: во-первых, говорить о процентах можно не только применительно к колониальному экономическому «росту»; во-вторых, экстраполяции требуют большой осторожности. Скажем, если сравнить нынешний культурный уровень населения и нынешнюю образовательную политику в Нигерии с тем, что эта страна имела двадцатью годами ранее, и выразить динамику в процентах, а затем провести такое же историческое сравнение по территории, где до «свободной России» не было ни детской беспризорности, ни детской проституции, где дети школьного возраста в обязательном порядке посещали школу, а затем сопоставить результаты сравнений, то можно будет, вполне по логике М.Э.Дмитриева, сделать вывод, что при сохранении существующей тенденции Нигерия через сто лет будет социалистической супердержавой, а РФ улетит в первобытнообщинный строй. Ситуация тем трагичнее, что мы, в отличие от президента Центра стратегических разработок, сопоставляли реальные, а не дутые тенденции.

Нам еще придется остановиться на тех сходствах и различиях между Нигерией и РФ, которые влияют на проведение выборов и их результаты. Но именно применительно к экономике считаем нужным отметить, что никак не сближает Нигерию с РФ та твердая позиция, которую пока занимает в отношении правительственной политики нигерийский профессиональный союз университетских преподавателей, выступивший в декабре 2011 года не с цеховых позиций, а с осознанием единства интересов трудящихся, с пониманием того, что ситуация в сфере образования есть лишь частное проявление общей социально-экономической ситуации в стране. Отнюдь не оппозиционная нигерийская «The Guardian» 5 декабря 2011 года констатировала: «Вытянувшие несчастливый билет нигерийцы приближаются, кажется, к состоянию полнейшей растерянности. Распоясавшееся чудовище повсеместного беспредела действует, по меньшей мере, деморализующе. Вооруженный бандитизм и отсутствие безопасности, безработица и бедность, плохое электроснабжение и низкая загрузка мощностей в различных отраслях производства, похищение людей ради выкупа и опасения по поводу отмены субсидий на топливо, – всё это вместе всё более и более подталкивает и правителей, и управляемых к краю пропасти. Суле Ламидо, губернатор штата Джигава, в интервью «The Guardian» выразился кратко: «Налицо разобщенность между народом и руководством, поэтому лидеры не в состоянии мотивировать и вдохновлять людей и восстановить доверие. Из-за этой разобщенности рухнули наши институты. Я считал уже достаточно скверным то, что рушились только наши государственные учреждения, но историей с поочередным банкротством банков я теперь встревожен». Но Ламидо сказал также: «Если средний нигериец хочет, чтобы дороги были отремонтированы, чтобы энергоснабжение было регулярным, ему придется пойти на некоторые жертвы. Выбор за нами. Президент беседует с людьми, с политическими лидерами, а реальная ситуация производит всё более и более отвратное впечатление»³.

«The Guardian» подтверждает, что, действительно, проводится ряд официальных встреч на высоком уровне, в частности в президентской администрации, направленных на решение накопившихся в стране проблем. В числе участников этих встреч – эксперты по безопасности, религиозные и политические лидеры, а также представители гражданского общества и

руководители средств массовой информации⁴. Но, как отмечается в той же статье, пока что «последствием, представляющимся первой брешью в напряженной плотине, было то, что Союз академического персонала университетов (САПУ) вчера призвал своих членов в университетах по всей стране к «общей, всеобъемлющей и бессрочной забастовке с сегодняшнего дня». Вчера явно чувствовались опасения, что забастовка САПУ может открыть шлюз для подобных действий других профсоюзов в стране. Национальный президент САПУ профессор Укачукву Авузие сказал, что «это болезненное, но не неизбежное решение было ускорено демонстрацией недоверия к взаимным соглашениям с нашим профсоюзом со стороны федерального правительства». Авузие, наряду с другими членами исполнительного совета САПУ, заявил это вчера в Порт-Харкорте после того, как имевший решающее значение митинг призвал рассмотреть ситуацию в нигерийских университетах»⁵.

Характерно, что САПУ не ограничил свое внимание специфическими проблемами университетов, но заявил, что он работает в связке с другими профсоюзами по всей стране, чтобы противостоять предлагаемым правительством непопулярным политическим мерам вроде отмены субсидий на бензин⁶. Экономический и общесоциальный кризис, как считает САПУ, связан с деятельностью международных финансовых организаций и подчинения президентом Г.Джонатаном государственной политики иностранным интересам. «Авузие посетовал на то, что экономика Нигерии подчинена иностранным интересам. Он также охарактеризовал экономическую команду президента Гудлак Джонатана как представителя Всемирного банка и Международного валютного фонда (МВФ). Он выступил с обвинением в адрес экономической программы правительства, включая снятие топливных субсидий, заклеив ее как «антинародную». САПУ также отметил, что правящий класс в Нигерии не смог удовлетворить потребности людей в обеспечении основной социальной инфраструктуры»⁷.

Против политики правящего класса и должно бороться рабочее движение (labour movement), понимаемое, впрочем, в широком смысле (т. е. не только как workers' movement), включающем в число субъектов этого движения интеллигенцию, в частности профсоюзы университетских преподавателей: по утверждению У.Авузие, «в последние месяцы федеральное правительство активизировало свою кампанию по девальвации, приватизации и повышению цен на бензин, которым нигерийское рабочее движение, в том числе САПУ, должно сопротивляться. Всемирный банк и МВФ сыграли решающую роль в спонсировании и формировании Экономической группы, введенной в действие после инаугурации господина президента после апрельских выборов 2011 года. Правящий класс потерпел неудачу. Он не может обеспечить рабочие места, образование, здравоохранение, доступное транспортное обслуживание, дороги и так далее. Он не способен объединить людей, он использует этническое происхождение как политическое оружие. Правящий класс нарушает целостность судебной системы. Пребывающая у власти группировка, с президентом Джонатаном во главе, не в состоянии защитить людей от голода, грабежа, убийства невинных граждан и вообще обеспечить безопасность. В политическом отношении Нигерия находится в сложном положении, несмотря на всеобщие выборы 2011 года»⁸.

Одной из серьезнейших проблем, стоящих перед обществом, является безработица среди молодежи. По данным Национального бюро статистики Нигерии, последние статистические данные показывают, что уровень безработицы в Нигерии за первую половину 2011 года увеличился до 23,9 процента⁹. «В дополнение к и так уже печальной статистике, показывающей свыше 43 миллионов безработных молодых людей, дополнительные 1,8 миллиона человек в последнее время вышли на рынок труда. Бюро связывает этот рост в рядах безработных страны с вновь прибывающими на рынок труда и с увольнениями работников во всех секторах экономики в течение этого года»¹⁰.

Правопорядок в стране также не остался без внимания У.Авузие и «The Guardian», ибо «волна преступности по всей стране обеспечивает гражданам бессонные ночи. Банды похитителей людей, похоже, превратили юго-восточную и юго-южную части страны в свою вотчину. Банки на юго-западе работают в настоящее время в атмосфере страха. Только на прошлой неделе, они практически закрыли конторы в штате Огун после волны кровопролитных вооруженных нападений с обещанием еще большего от осатаневших грабителей. Тенденция к насильственным конфликтам и к нападениям не уменьшилась и на севере. Каждый инцидент в этой области страны то и дело списывается на запрещенную секту Боко Харам, при том, что граждане опасаются, что в настоящее время в этом районе действует несколько преступных групп. Полагают, что ситуация повлияла вообще на индивидуальную безопасность граждан страны, поддержала страх и ограничила возможности экономического развития народов»¹¹.

Президент САПУ в своем двенадцатистраничном заявлении остановился и на случаях взаимодействия союза с федеральным правительством по вопросам, связанным с охранением университетской системы от краха и учреждением глобальных стандартов в сфере образования, охарактеризовав при этом несоблюдение правительством решений, принятых с 2001 года, как «удручающее». У.Авузие «сказал, что неспособность федерального правительства уважать соглашения между ФПН (Федеральным правительством Нигерии – А.Э.) и САПУ, несмотря на два льготных месяца, которые союз предоставил Правительству для демонстрации верности этому соглашению, пахивает равнодушием»¹². Он упомянул также «НИС (Национальный исполнительный совет САПУ – А.Э.), отметивший, что федеральное правительство пренебрегает, игнорирует, не может и отказывается выполнять основные компоненты соглашения ФПН/САПУ 2009 г. после более чем двух лет с момента его подписания. Просрочив запрошенные им два месяца и не достигнув никакого прогресса в реализации соглашения, распустив Комитета по наблюдению за выполнением, служивший в качестве форума для диалога с САПУ по этим спорным вопросам, правительство, по убеждению САПУ, показало свою неискренность и явное нежелание действительно выполнять то соглашение, которое оно по доброй воле заключило с нашим союзом. Поэтому САПУ принял болезненное решение о том, чтобы ориентировать всех членов САПУ во всех филиалах по всей стране на переход к полной, всеобъемлющей и бессрочной забастовке начиная с полуночи воскресенья, 4 декабря 2011 года»¹³. У.Авузие пояснил, что, «во избежание сомнений общая, всеобъемлющая и бессрочная забастовка означает: никакого обучения, никаких экзаменов, никакого рецензирования рукописей, никакого научного руководства по проектам, никаких инаугурационных лекций, никаких собраний по назначению на должность и по защите диссертации, никаких организационных собраний (совета, сената, комитета и т. д.) или иных собраний под руководством правительства или его агентов»¹⁴.

Политическая культура нигерийского университетского сообщества проявилась в том, что, как мы уже указывали, основные положения заявления, оглашенного У.Авузие, во-первых, были сформулированы как исходящие от рабочего движения и не отрывали положение в сфере образования от положения в стране, в первую очередь в экономической сфере; во-вторых, учитывали противоположность интересов правящего класса интересам трудящегося населения; в-третьих, исходили из понимания противоположности интересов международных финансовых организаций интересам основной массы населения Нигерии и, в-четвертых, вообще не концентрировались на религиозной теме, проводя абсолютно светскую, внеконфессиональную линию. Но, отдавая должное столь принципиальной позиции университетского сообщества, следует, с учетом прошлого опыта, признать, что правительству вряд ли хватило бы остротки со стороны вузовской интеллигенции для принятия адекватных решений. Это подтверждается тем, что лишь по прошествии месяца с лишним, т. е. уже после и наиболее громких террористических актов 2011 года, и предновогоднего введения Г.Джонатаном чрезвычайного положения в ряде районов Нигерии, и последовавших за этим ответных действий, прежде всего со стороны Боко Харам, правительство вспомнило о том, что не так-то легко бороться против Боко Харам, а уж тем более примирять исламские и христианские движения и группировки, имея в своем социальном тылу лишнюю (к тому же объединяющую в своих требованиях интересы труженников независимо от их конфессиональной принадлежности) оппозиционную силу в лице САПУ, и внезапно произвело целый фейерверк радужных обещаний. Как хорошо такие фокусы знакомы населению РФ... 12 февраля 2012 г. в статье «Свежие шаги федерального правительства по поддержке образования» М.Онуора сообщает: «Федеральное правительство призвало вчера нигерийцев сыграть свою роль в реконструкции системы образования страны, заявив, что сектор этот – слишком решающий, чтобы оставлять его на попечение правительства и владельцев школ»¹⁵.

До каких же нововведений созрело нигерийское правительство к 11 февраля 2011 г.? «Государственный министр образования Найэсом Уайк сказал на форуме в Абудже, что только реализация новой стратегии позволит заложить ту основу для сильного базового образования, которая вытянет этот сектор из его нынешнего гнилого состояния. Он объявил, что президент Джонатан одобрил набор 2000 квалифицированных учителей по основным предметам, особенно по английскому языку и математике. Сетую на слабость базовой инфраструктуры и нехватку квалифицированных преподавателей, на отсутствие культуры чтения и слабую роль родителей как на часть факторов, мешающих этой отрасли, Уайк, однако, заявил, что ее ждет светлое будущее, так как некоторые меры по улучшения ее скоро увидят свет. Он отметил, что, в отличие от 2009 года, когда несколько штатов федерации не имели доступа к своим фондам в Комиссии по

всеобщему базовому образованию, большинство штатов к концу 2011 года получили этот доступ»¹⁶.

Основным компонентом правительственных мероприятий явилось, как это обычно и бывает при экстренном политическом реагировании, финансирование. «Уайк сказал, что в рамках усилий по оказанию помощи в поставке учебных материалов для школьников и студентов поставка учебников для начальных и средних школ в 34 штатах федерации начнется в этом месяце¹⁷. 30 ноября 2011 г. Федеральный исполнительный совет (ФИС) утвердил контракт на закупку учебников для начальных школ и библиотечных учебных материалов для младших средних школ в 34 штатах федерации на общую сумму в 6,63 млрд найр (менее 42 млрд долл. США – А.Э.). Поставка книг и учебных материалов была осуществлена Комиссией по всеобщему базовому образованию (КВБО) из 15 процентов от двухпроцентного Консолидированного фонда сборов федерального правительства. Поставлены учебники для начальной школы по английскому языку, по математике, по основам научных технологий и по социальным исследованиям. А на бюджетный год, по словам министра, Федеральное министерство образования выбрало 30 единых школ страны в качестве пилотных проектов по реконструкции и переоснащению общежитий, аудиторий и библиотек. Но, в отличие от прошлых лет, когда контроль за средствами полностью передавался директорам таких школ, эти проекты должны быть выполнены заинтересованными сторонами, включая директоров, руководителей родительско-учительских ассоциаций и ассоциаций выпускников»¹⁸.

При соотнесении уровня политической культуры населения РФ и населения Нигерии следует отметить, что в силу (помимо прочего) исторических предпосылок у немалой части населения РФ сохраняются (либо формируются) и весьма сильны коммунистические воззрения. Это и обеспечивает достаточно прочное положение в раскладе политических сил в стране прежде всего КПРФ, политическая линия руководства которой весьма отстает от уровня политической культуры как основной массы партии, так и массы голосующих за нее избирателей. Такое отставание, с одной стороны, прямо компрометирует партию в глазах ее потенциальных сторонников, ориентируя их пусть на менее влиятельные, но куда более коммунистические организации, с другой стороны – нарушает внутри партии важнейший принцип партии ленинского типа – принцип доверия в отношениях между основной массой партии и руководством партии. Правым идеологам и пропагандистам социал-демократический оппортунизм руководства КПРФ, на фоне которого даже партии вроде «Справедливой России» могут, по крайней мере в ходе предвыборной агитации, показаться левыми, дает немало добротных козырей в руки. В Нигерии же сегодня основные социальные конфликты, при всей их общей экономической и политической ангажированности, проходят если не строго по межконфессиональным границам (корректируемым границами между племенами и иными территориально-культурными группами), то по крайней мере в приграничной зоне.

Что касается возможных параллелей между Нигерией и РФ по выборам 2011 года, нелишне будет напомнить некоторые факты. «Предварительные результаты выборов были объявлены 18 апреля, нынешний глава государства Гудлак Джонатан значительно опережал своего основного соперника Мухаммаду Бухари. Сразу после этого в стране резко обострилась обстановка. Гудлак – выходец из населенной преимущественно христианами южной, нефтеносной части страны. По последним данным избиркома, он набрал 57% голосов и таким образом сохранил свой пост уже по итогам первого тура. Его основной соперник Бухари, представляющий интересы мусульманского севера, получил 31% голосов»¹⁹. Как видим, новостное агентство обратило внимание на конфессиональную составляющую и на сырьевую подоплеку результатов выборов. Именно на эти два фактора в первую очередь обращают внимание едва ли не все, пишущие о президентских выборах в апреле 2011 г. в Нигерии. Последующие за выборами (да и предшествующие им) теракты, приписываемые мусульманской экстремистской группировке Боко Харам, пресса то и дело связывает с тем фактом, что победу на президентских выборах одержал христианин. Вместе с тем, жесткая, но весьма немногословная пропаганда Боко Харам вовсе не сконцентрирована на вопросе о президенте и о его личной конфессиональной принадлежности, а выдвигает общие антихристианские лозунги. Лишь на очень поверхностный взгляд может показаться, что «беспорядки в Нигерии начались после того, как стало известно о победе на президентских выборах действующего президента страны Гудлака Джонатана, представителя богатого нефтью и населенного преимущественно христианами юга страны. Кандидат, которого поддерживает население экономически слаборазвитого мусульманского севера, бывший нигерийский диктатор Мухаммаду Бухари, не признал итогов голосования»²⁰.

Сообщения о нападениях и взрывах шли и до выборов, и во время выборной кампании, и после нее. Скажем, в канун президентских выборов агентство «Associated Press» сообщало: «Нигерийские избиратели решают, следует ли сохранить их случайного президента у власти, несмотря на то, что беспокойство среди мусульман страны из-за лидера – христианина может вызвать насильственные перемещения граждан в богатой нефтью стране, где выборы давно уже омрачаются жульничеством и насилием. После взрывов в стране на северо-востоке во время парламентских выборов на прошлой неделе еще один взрыв прогремел сегодня утром в жилом районе Майдугури, хотя сведений о жертвах не поступало»²¹.

Сразу же после президентских выборов типичными стали сводки из Нигерии вроде: «Сотни людей были арестованы после кровопролитных протестов в оплотах оппозиции против победы президента Гудлака Джонатана на выборах в эти выходные. По меньшей мере, 80 человек были убиты только в крупных городах и тысячи людей покинули жилища в результате насилия. Соперник г-на Джонатана, северянин и бывший военный правитель Мухаммаду Бухари, заявил, что результаты субботнего голосования были сфальсифицированы. Сторонники правящей партии получили со стороны молодежи ножевые ранения, переломы и частью были застрелены; церкви, дома и мечети поджигались»²². «Несмотря на то, что Гудлак Джонатан получил вдвое больше голосов, чем его соперник, он стоит перед лицом чрезвычайного положения в стране после того, как сторонники проигравшего кандидата в президенты Мухаммаду Бухари пошли на конфликт. Сотни людей запуганы до смерти сожжением церквей, мечетей, домов и магазинов. Несмотря на усиленные наряды полиции, очаги беспорядков, начавшихся в понедельник, вчера запольхали вновь. Нигерийский Красный крест заявил вчера, что ранены были примерно 400 человек»²³.

В следующие за президентскими выборами выходные беспорядки омрачили уже выборы губернаторов. «Сотни работников избирательных участков покинули свои рабочие места, а десяткам тысяч блуждающих нигерийцев некуда было опускать избирательные бюллетени во время выборов губернаторов, проводившихся вчера несмотря на насилие после президентских выборов, состоявшихся ранее в этом же месяце. Самая населенная страна Африки завершает голосование, начавшееся 9 апреля парламентскими выборами. По меньшей мере 500 человек погибло в беспорядках на преимущественно мусульманском севере, когда сводки по голосованию 16 апреля на выборах президента показали, что победил президент Гудлак Джонатан, христианин»²⁴. И таких сообщений можно привести множество, даже за день инаугурации Г.Джонатана: «Вчера, через несколько часов после того, как президент Джонатан был приведен к присяге на свой первый полный срок, взрыв потряс популярное питейное заведение в расположении воинской части в северной Нигерии, унеся жизни десятков людей», сообщает агентство Reuters²⁵.

Итак, важно отметить, что на выборах в апреле 2011 года беспорядки отнюдь не *начались*, но лишь обрели больший размах. Отношение масс к этим беспорядкам определяется не только, с одной стороны, их отношением к правящему режиму и, с другой стороны, их религиозными убеждениями, а их осознанием своего действительного экономического положения и экономических оснований действующей политической властью, а уровень этого осознания зависит от политической сознательности масс, которую западная социология то ли называет, то ли подменяет «политической культурой» или «гражданской культурой». То, что за беспорядками стоят политические интересы, а отнюдь не конфессиональные разногласия, дал понять уже президент Нигерии Г.Джонатан в своем предновогоднем выступлении о введении чрезвычайного положения, где он туманно сообщил о наличии сторонников Боко Харам даже в правительстве. Это не осталось пустым намеком: президент достаточно скоро дал понять, что теракты вполне пригодятся ему как достаточное в глазах публики основание для выяснения отношений внутри политического руководства. Но ведь использование терактов политическим руководством страны для проведения политических мероприятий, немислимых или почти немислимых на ровном месте и в неопасной для власти ситуации, никак нельзя считать специфически нигерийским явлением. В новейшей истории одной из составляющих реальной политической культуры населения как раз и является способность адекватно понимать и спекуляцию на реальных пожарах, и прямые «поджоги рейхстага», в каком бы новом виде правящий класс их ни предпринимал.

То, что Боко Харам на сегодняшний день еще не представляет собою достаточной силы для противодействия правительству, очевидно. В нынешних социальных условиях в Нигерии и при нынешнем соотношении сил между двумя основными конфессиями страны Боко Харам могла бы стать такой силой, если бы поставила перед собою эту цель; но, возможно, всё, что на сегодняшний день требуется от Боко Харам, это быть достаточным основанием для

правительственного закручивания гаек и охоты на ведьм, т. е. общенародным, а еще лучше вселенским пугалом. Впрочем, форма проявления террористической активности этой группировки говорит о том, что по крайней мере большинство ее рядовых членов не являются участниками игры, а принципиально ведут вооруженную борьбу в соответствии с заявляемой этой группировкой лозунгами. Провокационные рассказы буржуазных средств массовой информации о связи Боко Харам с Аль-Каидой содержат не больше правды, чем их же еще недавние сведения о ядерном оружии Саддама Хусейна. В поддержку версии о связи Боко Харам с Аль-Каидой не приводится ни одного реального факта, но в новостные сообщения по поводу Боко Харам с определенного момента буквально впихиваются упоминания о том, что такую связь якобы «предполагают». В последнее же время эти «предположения» убавляются числом, уступая место уже безоговорочным констатациям связи, которую на самом деле никто никогда ничем не подтвердил. Политическая культура населения Нигерии в данном случае и не смогла бы повлиять на моральный уровень западной прессы, ни на абсолютно стадное ее восприятие западной читательской массой, а политическая культура последней в наши дни пребывает в целом (исключения, разумеется, есть) на уровне культуры позитивного участия в политике буржуазии. Но зато политической культуры хотя бы части нигерийцев вполне хватает для сочувствия Боко Харам, и заблуждаются те, кто считает единственной или даже основной почвой этого сочувствия конфессиональный фактор.

Очевидно, что мусульманский изоляционизм и политический сепаратизм в лозунгах Боко Харам – совершенно не уникальное явление в современной истории, и ошибаются те журналисты и политические аналитики, которые пытаются запугать публику этими лозунгами и представить конфессиональный сепаратизм как путь в никуда. Такие страшилки льют воду на мельницу тех, кто заинтересован в нескончаемом конфликте в доме стратегического конкурента. На самом деле путь в никуда (но долгое и чреватое морями крови «никуда»), это – принудительное, да еще и с помощью «миротворцев», сохранение непримиримых сил под одной крышей. Поэтому, если мирное сосуществование (и, соответственно, сохранение тех преимуществ, которые оно дает) обходится всем сторонам уже слишком дорого, а вернуть времена всех примиряющего общего колониального ярма нет ни желания, ни возможности, единственным гуманным вариантом является цивилизованный развод, а вина за кровь, которую приходится проливать в борьбе за его достижение, целиком ложится на сопротивляющуюся сторону. Именно поэтому право наций на самоопределение ни в политической культуре, ни в реальной политике не замыкается именно на нациях в категориальном значении термина. В РФ средствами массовой информации в качестве образцового решения проблем конфессионального и иного сепаратизма преподносится в последние годы Чеченская республика, но ведь стать таким образцом ей помогли не «голубые каски», по уходе которых хоть на пять минут вспыхивали бы с новой силой старые конфликты, а национальная чистка, однозначная религиозная ориентация государства и позиция Кремля, считающего возможным годами выплачивать репарации и при этом не называть войну по всем статьям проигранной. На те благоприятные условия, которые Чеченская республика имеет сегодня, сепаратисты 1990-х годов не рассчитывали даже на случай полной победы в борьбе за суверенитет. Разумеется, не всей нации эти условия касаются в одной и той же степени, но это – уже другой, куда более фундаментальный вопрос.

Другим примером является «развод» Абхазии и Южной Осетии с Грузией, отягощенный, но вместе с тем и упрощенный попыткой грузинского руководства насильственным образом предотвратить окончательный уход соответствующих территорий. Следует, однако, признать, что после их ухода Грузия, насколько нам известно, не пытается отягощать расходную часть своего бюджета щедрым дотированием фактически отколовшихся территорий. Но даже этот пример показал, что третья сила в лице «миротворцев» никого не способна *примирить* (если, разумеется, реально не превращается в колонизатора, а остается сугубо «миротворческой» силой), что государственная (пусть даже только де-факто) граница между сторонами, из которых как минимум одна активно выступает против совместного существования, – всё-таки более надежный миротворец, чем «голубые каски».

Террористическая активность религиозных группировок лишь в самой общей форме может восприниматься как признак, объединяющий политическую культуру Нигерии и РФ. Но динамика этой террористической активности в названных странах вовсе не одинакова. В РФ (за пределами «горячих точек», где и так горячо) основной бум терактов, как мы помним, пришелся на тот момент, когда обществу еще следовало дать понять, сколь необходимы ему для защиты от террористов то лично В.В.Путин, то отмена выборов губернаторов; но в те годы, когда позиция

основной массы населения уже не вызывала сомнений у власти, теракты заметно поутихли. Не исключено, что изменение позиции населения вновь вызовет к жизни теракты как самые простые доказательства великой потребности страны именно в такой, а не в другой власти. Мы не будем специально останавливаться на вопросе о реальных субъектах террористической активности в РФ, ибо этот вопрос весьма полно и доказательно был освещен в свое время и в средствах массовой информации, и в дебатах в политических кругах. Обратим лишь внимание на то, что реакция властей РФ на теракты с внешней стороны такова, что не может исключаться и в применении к Нигерии, ибо общества двух стран пребывают в условиях одной и той же исторической формы производственных отношений. Нет ничего такого в терроризме и в реакции власти на него на территории одной из названных стран, что принципиально было бы невозможным на территории другой. И это – при том, что речь идет вовсе не о всеобщих закономерностях. Ведь, скажем, в условиях США, хотя терроризм там не разменивался на поджоги рейхстага и на взрывы в спальнях районах, а устроил одноразовую, но куда более кровопролитную демонстрацию своей нехорошей сущности, вряд ли возможно в обозримом будущем представить себе президента страны, заявляющего, что в связи с возросшей террористической активностью, а также ради предотвращения доступа криминала во власть он считает нужным укрепить вертикаль власти и отныне будет сам назначать губернаторов штатов. Зато отбомбить чужую территорию – сколько угодно.

Межконфессиональное соотношение уровней террористической активности в РФ и в Нигерии также сходно только в общем, поскольку оно сегодня вообще достаточно однообразно по всему миру. Но основное различие в соотношении террористической активности мусульман и христиан начинается лишь с различия в численном соотношении мусульман и христиан в стране в целом. А за этим соотношением сегодня очень часто кроется решение вопроса о том, имеется в обществе народ в его историко-материалистическом понимании или же общество представляет собою толпу людей, живущих исключительно частной жизнью. Мы в данном случае выводим за скобки вопрос о деятельности антиправительственных группировок вроде Движения за освобождение Дельты Нигера (ДОДН) и иных, не ставящих во главу угла конфессиональный принцип, но считаем более важным то, что обильные сообщения средств массовой информации о террористической активности мусульманской секты Боко Харам лишь изредка перемежаются сообщениями о куда более слабых акциях христиан против мусульман.

РФ в своей истории не имеет конфликта, подобного связанному с возрастанием роли исламского фундаментализма в Чечне в 1990-е годы. Сколько бы религиозные идеологи ни говорили на межконфессиональных посиделках о том, что священные книги «этому не учат», но о том, что священные книги написаны как в пользу терпимости, так и в пользу непримиримости (иной раз даже одновременно в одном и том же социальном контексте), знает почти каждый. Всякое объединение есть разъединение. Любая партия, объединяя одних, отграничивает их от других. Но книги книгами, а реальная способность масс мусульман к самопожертвованию под религиозным знаменем в наши дни статистически совершенно не та же, что масс христиан. Это, повторяем, – общая тенденция; а по поводу политической культуры христианского населения РФ напомним недавнее выступление Кирилла, в котором он, вольно или невольно, дал убийственную характеристику уровня политической культуры населения, которому в ближайшем будущем поистине не поможет ни бог, ни царь и ни герой: «По его словам, православные «не выходят на демонстрации, их голосов не слышно, они молятся в тиши монастырей, в кельях, домах, но переживают всем сердцем за то, что происходит сегодня с народом нашим»... При этом он призвал народ к бдительности»²⁶.

««Православные люди не умеют выходить на демонстрации, они стоят к поясу Пресвятой Богородицы, и если бы пояс тот был не месяц (в России – «ИФ»), а полгода, то не три миллиона, а 40-50 миллионов стояли бы в этой очереди. Мы это точно знаем, потому что живем в православной в большинстве своем стране», – сказал патриарх после литургии...»²⁷ Утешиться тут мы можем разве что тем, что последняя констатация Кирилла либо подразумевает, что нынешнее лицо России, со всеми ее не очень почетными местами в мировых рейтингах, и есть лицо «православной в большинстве своем страны», либо является изрядным преувеличением.

Sapientī sat; Кирилл, совершенно вне связи со своими же апелляциями к молитве и т. п., абсолютно точно вычленил главное, что отличает массу мусульман от массы христиан: не потому, что считает нехристиан более склонными к демонстрациям и менее склонными к поклонению и паломничеству, но потому, что уловил за частностями ту тенденцию в политической культуре разных конфессий, которая на сегодняшний день в целом ряде стран определяет соотношение сил:

с одной стороны – многочасовое стояние в очереди к чужому поясу, с другой – взрывное устройство на собственном поясе.

В обоих случаях мы имеем дело с политической культурой участия, в обоих случаях люди имеют в голове некоторый социальный идеал, а не превращают участие в самоцель, но по уровню реализма (даже материализма) в понимании того, что может иметь политическое действие и что не может иметь никакого действия, кроме консервативного, – небо и земля. В одном случае – толпа, с которой совладал бы ротою солдат любой угнетатель, да только какая в том надобность там, где и так не пахнет возмущением; с другой – индивиды и небольшие группы, с которыми не может совладать полицейский аппарат самых мощных государств. А уж сама тенденция, правильно подмеченная Кириллом, определяется в конечном счете не только способом производства, в рамках которого возможны совершенно различные экономические и политические статусы конкретных обществ, но и, более специфически, конкретно-исторической формой производственных отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мы позволим себе не уточнять цифры, приведенные сотрудником «Радио Свобода», так как в данном случае суть дела этого не требует. – Прим. А.Й.Элеза.
2. Интервью М.Э.Дмитриева «Радио Свобода». – Опубликовано 12.04.2011 23:00. (Архив автора).
3. Osigbesan L., Fanimo D., Adekoya F., Ebiri K. Anxiety mounts over insecurity, poverty, others // The Guardian (Nigeria). – 2011. – December 5.
4. См.: Ibid.
5. Ibid.
6. См.: Ibid.
7. Ibid.
8. Ibid.
9. См.: Ibid.
10. Ibid.
11. Ibid.
12. Ibid.
13. Ibid.
14. Ibid.
15. Onuorah M. Federal Govt In Fresh Move To Boost Education // The Guardian (Nigeria). – 2012. – February 12.
16. Ibid.
17. Это – лишнее подтверждение политической конъюнктурности внезапных правительственных жестов: приблизительно в середине учебного года (начинающегося в Нигерии обычно в сентябре – октябре) проводить такие мероприятия, особенно в условиях нехватки кадров, совершенно нелепо с практической точки зрения. Впрочем, денежный удар в какой-то мере может быть и смягчен испытанным нигерийским амортизатором – коррупцией. – Прим. А.Й.Элеза.
18. Onuorah M. Federal Govt In Fresh Move To Boost Education // The Guardian (Nigeria). – 2012. – February 12.
19. Правозащитники заявляют о 800 жертвах беспорядков в Нигерии // РИА Новости. – 16 мая 2011 г., 11.55.
20. Ситуация в Нигерии после президентских выборов в апреле 2011 года // РИА Новости. – 5 декабря 2011 г., 23.04.
21. Bomb attacks mar Nigerian elections // The Independent. – 2011. – April 16.
22. Scores killed in Nigerian election violence // The Independent. – 2011. – April 21.
23. Howden D. Deadly riots follow Nigerian election result // The Independent. – 2011. – April 20.
24. Violence disrupts end of polling in Nigeria // The Independent. – 2011. – April 27.
25. Bomb blast after Jonathan is sworn in in Nigeria // The Independent. – 2011. – May 30.
26. Патриарх Кирилл предостерегает народ от демонстраций и призывает не слушать популистов // Интерфакс. – 2012. – 1 февраля.
27. Там же.